

Юрий Николаевич Чумаков родился в 1922 году в Саратове, там же окончил филологический факультет Саратовского университета; пушкинист и тютчевед, специалист по монографическому описанию художественного текста и по истории русского стихотворного романа, автор книг «Евгений Онегин» и русский стихотворный роман» (Новосибирск, 1983), «Стихотворная поэтика Пушкина» (СПб.: Государственный Пушкинский театральный центр, 1999), «Евгений Онегин» А. С. Пушкина: В мире стихотворного романа» (М.: МГУ, 1999), «Пушкин. Тютчев: Опыт имманентных рассмотрений» (М.: Языки славянской культуры, 2008).

Настоящее исследование содержит анализы лирического сюжета в стихотворных текстах и подходы к теории вопроса.

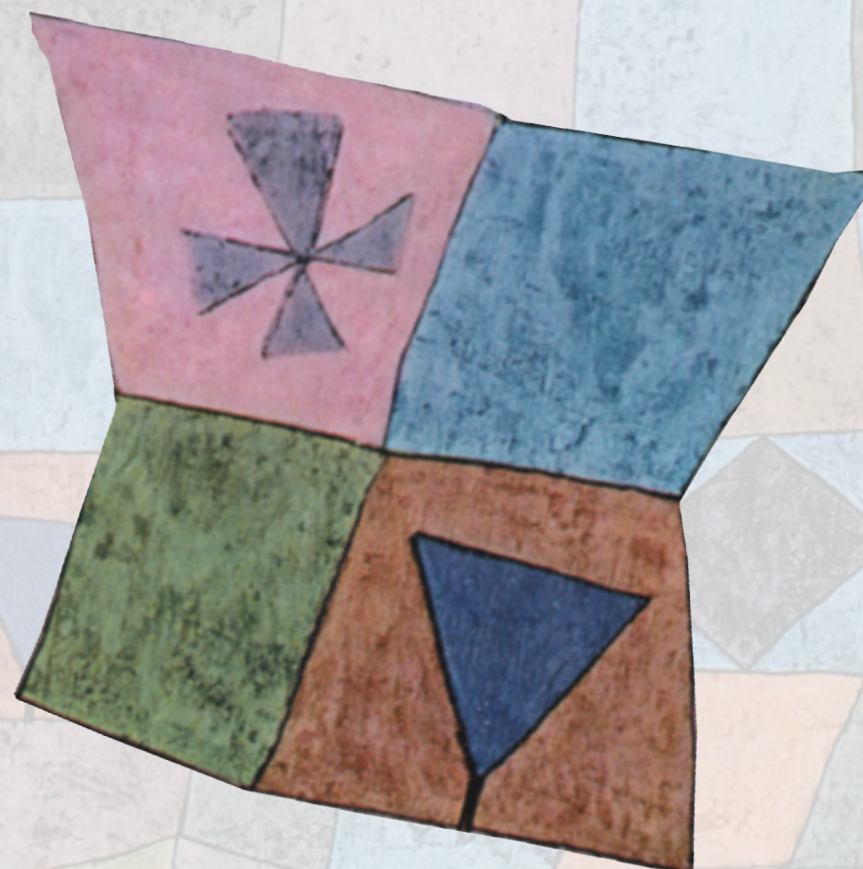
ISBN 978-5-9551-0429-4

9 785955 104294 >

А
Ю. Н. Чумаков

В СТОРОНУ ЛИРИЧЕСКОГО СЮЖЕТА

STUDIA PHILOLOGICA

Ю. Н. Чумаков

В СТОРОНУ
ЛИРИЧЕСКОГО
СЮЖЕТА

ЯЗЫКИ СЛАВЯНСКОЙ КУЛЬТУРЫ
МОСКВА 2010

УДК 80/81
ББК 83.3(2Рос=Рус)
Ч 90

Чумаков Ю. Н.

Ч 90 В сторону лирического сюжета / Науч. ред. Е. В. Капинос. — М.: Языки славянской культуры, 2010. — 88 с. — (Studia philologica).

ISSN 1726-135X
ISBN 978-5-9551-0429-4

В очерке о лирическом сюжете три раздела: первый и третий посвящены анализу стихотворных произведений — от текста к теории и от теории к тексту; третий раздел включает в себя теоретический курс с обоснованиями, параллелями и аналогиями.

Лирический сюжет анарративен, иррационален, благодаря чему его описание и формализация крайне затруднены, он действует в инфраструктурах и воспринимается опосредованным, сквозь словесно-стиховые форманты и конфигурации.

Книга ориентирована на филологов, преподавателей, студентов-гуманитариев и на всех, интересующихся поэтикой и поэтологией.

ББК 83.3

*В оформлении обложки использован фрагмент картины
П. Клее «Веселая игра» (1933)*

Электронная версия данного издания является собственностью издательства, и ее распространение без согласия издательства запрещается.

ISBN 978-5-9551-0429-4

© Ю. Н. Чумаков, 2010
© Языки славянской культуры, 2010

1

Систематика филологических терминов постоянно меняет облик. Попытки придать ей завершенность, облечь термины в твердые формулы только провоцируют безостановочное ускорение. Одни термины и понятия делятся, укрупняются, перекомбинируются, другие — исчезают, вытесненные неологизмами. Есть, однако, группы терминов, которые выглядят привычными и общепринятыми. Тем удивительнее, что именно среди них часто встречаются те, что почти не поддаются определению, и работа с ними требует интеллектуально/интуитивных усилий. К их числу принадлежит и *лирический сюжет*, которым пользуются редко и с осторожностью.

Эта сдержанность подлежит объяснению. Когда мы говорим: *лирика*, *лирический*, *лиризм*, то употребляем их не столько как строгие дефиниции, а как свободные категории, понятные нам в целом. Если же мы произносим: *лирический сюжет*, то двусоставность термина осложняет его понимание, не говоря уже о необходимости вдвинуть друг в друга далековатые и разнородные термины, недостаточно готовые к сопряжению. Эпический и драматические сюжеты в этом ракурсе воспринимаются легче, так как они чаще всего объективированы, то есть овнешнены, а лирический сюжет остается внутренним действием, экзистенцией, устремлением из себя во вне. По этой причине лирический сюжет повышает степень некоммуникабельности артефакта, сравнительно с сюжетом в эпосе и драме.

Наш очерк о лирическом сюжете разбивается на три части. Первая и третья части содержат аналитический комментарий к нескольким стихотворным текстам под углом лирического сюжета. Во второй части предполагаются теоретические обоснования и аналогии, причем те и другие нуждаются в расширении, в дополнительных примерах, после которых все сказанное собирается в итоги.

Теперь о необходимых предпосылках и ограничениях. Несмотря на изменчивость, неудержимость и размытость тер-

минов, это не мешает и даже способствует их резкому размежеванию по правилам логики. Только в этом случае они приобретают качества инструментария для операций с текстом, одновременно сохраняя гибкость и эластичность.

Наши рассуждения проектируются на три базовые оппозиции, играющие важнейшую роль в тексте и подтексте работы. Изобразим их в виде сетки:

поэзия — проза,
стих — проза,
лирика — эпос.

В этой сетке возникают любопытные зависимости членов по горизонтали, вертикали и диагонали.

Начнем с горизонтальных отношений. Поэзия и проза проникают и действуют друг в друге. Стих и проза несовместимы. Лирика и эпос чужеродны по родовой классификации, но противоречиво связаны притяжением и отталкиванием. В лироэпосе они даже включены друг в друга в особом качестве, которого касаться мы не будем, потому что в нашем случае лирика и эпос маркируются как отдельные сегменты. Левые члены оппозиции по вертикали почти приближаются к синонимам, хотя их доминирующие свойства тянут в разные стороны. Интересны отношения в правой вертикали: проза отчеркнута от эпоса, так как он может быть написан и стихами, но в самой прозе основные признаки значения не равны: перед нами проза-стиль и проза-строй. Что касается диагональных линий, то их нельзя провести от поэзии к прозе-строю и от стихов к прозе-стилю. Диагонально соединяются поэзия и эпос, благодаря его поэтичности и возможности стиховых форм. Вторая диагональ связывает лирику и прозу-стиль, так как существует лирическая проза. Однако надо учитывать опосредующую роль поэзии, которая осложняет прямое соединение.

Следующая оппозиция факультативна. Она маркирует границу внутри единособранной стихотворной структуры. Дж. Каллер характеризует поэзию как слово и действие¹, и эта дихотомия оказывается чрезвычайно плодотворной. Словесная структура с ее семантизмом и асемантизмом сдвигает-

¹ См.: Каллер Дж. Теория литературы. Краткое введение. М., 2006. С. 84—86.